

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

133

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 133

TRIMESTRIEL

I — 1981

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

ПЯТНАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

*Я был бы наверно военным
В любые былые года,
Да рубль потерял неразменный
Среди торосистого льда.*

*Я был неизвестным солдатом
Подводной подземной войны,
Истории важные даты
С моею судьбой сплетены.*

1

Послеужинный кейф —
Наше лучшее время,
Открывается сейф
Перед всеми.

Под душой — одеяло,
Кабинет мой рабочий,
По сердцу — карандаши
Днем и ночью.

Мозг работает мой,
Как и раньше — мгновенно,
Учреждая стихи
Неизменно.

2

Я веду себя как Змей:
Яблоком
 выманишь Еву из Рая.
Я из миллионов клубящихся змей —
Лучшую выбираю.

Пусть и Она не забудет меня
В маршах... совместных скитаниях...
Не забывает остатки пня,
Верит в совместную тайну.

3

Наверх выносят плащаницу,
Весьма напоминающую стелу.
Гусей целые вереницы
Плывут над тем Христовым Телом.

Я занят службою Пасхальной,
Стихи читаю в стихаре;
Порядок мира идеальный
По той, мальчишеской поре.

4

Между прочим полагается узнать:
Столицей Ленинграду не бывать.

Показала та прошедшая война,
Что смертельны Петербурга времена.

И не будет как последствие блокад —
Голодающий Ленинград.

5

Португалов был слой общерусской культуры
Без халтуры и макулатуры.
Знал закон подмосковной природы
Был актер-профессионал.

В двух шагах от литературы он стоял.
Был потомственным интеллигентом на традициях русской Зимы.
Вот таким и шагал — до смерти момента.
Никогда не забыл Колымы.

6

Грибоедов

Он автор «горя от ума»,
Начала всех начал.
Разрушена тем горем тьма
И освещен — причал.

Неоднократный дуэлист —
Зачинщик многих ссор,
Судьбы не брал охранный лист;
А трусость — вот позор!

Талантливейший дипломат —
На шубе сей убит...
Всегда смертелен этот яд,
Смертелен этот быт.

7

Я не хочу прогуливать собак —
Псу жалко
Носить мое бессердие в зубах,
Как палку.

В раю — я выбрал самый светлый зал,
Где вербы.
Я сердце сунул — он понюхал зал,
Мой цербер.

Сердечный мускул все-таки не кость...
Помягче будет... И цена ему иная.
Так я вошел — последний райский гость —
Под своды рая.

8

Миллионы прослушал я месс,
Литургий, панихид и обеден, —
Миллионы талантливых пьес,
Так что опыт мой вовсе не беден.

Говорят, драматург — Демиург,
Я таким сообщеньям не верю, —
Не искал и не знал среди пург,
Среди бешенства белого зверя...

Совершив многолетний пробег
Леденящих дыханье движений,
Не прибег к покровительству нег
И подобных сему учреждений.

Я сражался один на один
С этим снежным клокочущим зверем,
И таким я дожил до седины,
До подсчета последним потерям.

9

Блок болен был цингой — лишь в этом было дело,
Единственный лимон его бы сразу спас,
Единственный лимон вошел бы в его тело
Дать витаминный, жизненный приказ.

Блок умер от цинги — диагноз ставлю смело,
Его сгубил сей авитаминоз,
И Царь Минос ощупал Блока тело,
Дал визу смерти — Царь Минос.

10

Ты прописан в Подмосковье — жаль.
Оба мы — варить умеем сталь,
Я по центру мира — шел всегда,
Когда выковывалась
лира изо льда.

11

Лермонтов дал звуковые повторы,
Терек царицы Тамары воспел,
Демонов вывел целую свору, —
Хоть пополуночи ангел летел,
И тихую песню он пел.
Я — безбожник лермонтовского склада,
Был богоборец, а не аферист...
Он, как герои его «Маскарада»,
Был перед истиной чист.
Барса поэт поселил на Кавказе,
Хотя животных таких — там нет.
Если забыть эту глупую фразу,
Лермонтов был кавказский поэт.

12

Человеческий шорох и шум —
 Предваряя мое пробужденье,
 Разгоняя скопление дум —
 Неизбежен в моем положении.

Это, верно, сверчок на печи
 Запищал как когда-то...
 Как всегда, обойдусь без свечи,
 Как всегда, обойдусь без домкрата.

13

Я острижен под машинку —
 Голой головой
 Исследую картинку
 Под Москвой-рекой.

Я хочу добиться толку
 От своей судьбы...
 Здесь — мешают мне

И ВОЛКИ

И рабы.

14

Я учился на медные деньги
 Осыпающейся листвы,
 И поэзия Разина Стеньки
 На канале реки Москвы...

15

Я на бреющем полете
 Землю облетаю —
 Велика ль земли забота,
 Я и сам не знаю.

Мы силою не женской
 Устраняем думы,
 Мы не самосожженцы
 И не Аввакумы.

Примечание. Эти стихи продиктованы Варламом Тихоновичем Шаламовым (верне, *расслышаны* от него) в октябре-ноябре 1980 г., в Доме для престарелых и инвалидов, где он теперь находится. Лишь не говорить о его состоянии и положении там, оно узнаётся из стихов, да кроме того, одно имя автора «Колымских рассказов» способно вызвать представление об этой жизненной судьбе, где главное — ее понятность во взаимодействии со временем, а вернее и точнее, со вселенской катастрофой, произошедшей во времени на пространстве и живом теле России. Понятая так, эта судьба взята на себя ее носителем уже сознательно, как художником и ответчиком, и взята с пропуском во все личное. Сегодняшняя ее линия прочерчивается не менее круто. Слепой и с почти полностью пораженной речью, Варлам Тихонович Шаламов продолжает быть «один на один»...

Чем бы ни объяснялось особое качество его новых стихов, их невероятная «компрессия» (отзыв медиков, не литературоведов, эти склонны говорить о «распаде», отказываясь их печатать), — читателей, верно, они не оставят равнодушными. Да и как забудешь теперь про верную Еву и про то, чем только может быть куплена (и искуплена) ее верность, как забудешь про Португалова, и по смерти шагающего по колымскому льду, и кого не охватит жуткий озноб перед встающим видением Царя Миндса в стране «авитаминоза» — стране, над которой этот царь мертвых царствовал уже тогда, когда ощупывал своими холодными руками тело Блока. А в завершающем стихотворении мы подходим с Шаламовым к тому порогу сознания, как итогу начатого в 1917 году, о котором другой ответчик своего времени сказал: «Мы живем, под собою не чуя страны»... У Шаламова то же довлеющее чувство перенесено на протяжении 8-ми строк с исходного для него коечного пространства в планетарное измерение, и та невозможная свобода, с которой «я» в этом и других стихотворениях переходит в «мы», причем это «мы» начинается с обитателей сего Дома, несчастных сих, несчастных нас, — сама возможность такого перехода в наипростейшем и грозном виде — свойство Великого Духа, питающего Великую Поэзию.

А.М.

От Редакции: В. Т. Шаламову присуждена была французским Пэн-Клубом в марте 1981 г. «Премия Свободы».